ТЫ НЕ ОБЯЗАН СТАНОВИТЬСЯ ЛУЧШЕ

Как перестать откладывать собственную жизнь до того момента, когда станешь достойным её

18+

СЕРГЕЙ ЕРШОВ

Сергей Ершов

Ты не обязан становиться лучше

https://litres.ru/74678342
SelfPub; 2026

Аннотация

Ты замечал, что всё время чего-то ждёшь? Вот заработаешь больше, похудеешь, добьёшься успеха, разберёшься с проблемами — и наконец позволишь себе расслабиться и быть счастливым.

Но проходит год. Потом другой. Цели достигнуты, появляются новые, а ощущение, что с тобой всё в порядке, так и не приходит. Словно настоящая жизнь предназначена не тебе сегодняшнему, а улучшенной версии тебя.

Эта книга ставит под сомнение привычную идею: чтобы жить хорошо, сначала нужно стать лучше. Она не призывает отказаться от амбиций или довольствоваться малым. Ты можешь хотеть миллион, большую любовь, карьеру и другую жизнь. Но обязательно ли ради этого считать себя недостаточным?

Через истории людей ты увидишь, как стремление к успеху превращается в борьбу с собой, почему победы не всегда приносят удовлетворение и что меняется, когда достижения перестают быть экзаменом на собственную ценность.

А что, если ты достаточно хорош, чтобы начать жить?

Содержание

Содержание 6
ПРОЛОГ 8
Человек, который всё время собирался жить 8
Часть I. ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ НАЧНЁТСЯ ПОТОМ 19
КОГДА Я НАКОНЕЦ СТАНУ ДОСТАТОЧНО ХОРОШИМ 19
ГЛАВА 2 32
ЕЩЁ ОДНА ПОБЕДА, И Я УСПОКОЮСЬ 32
ГЛАВА 3 44
ТЫ ЖИВЁШЬ В ЧЕРНОВИКЕ 44
ГЛАВА 4 54
КТО СКАЗАЛ, ЧТО ТЕБЯ НЕДОСТАТОЧНО? 54
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Сергей Ершов
Ты не обязан становиться лучше

ТЫ НЕ ОБЯЗАН СТАНОВИТЬСЯ ЛУЧШЕ

Как перестать откладывать собственную жизнь до того момента, когда станешь достойным её

Сергей Ершов

Содержание

ПРОЛОГ. Человек, который всё время собирался жить
Часть I. ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ НАЧНЁТСЯ ПОТОМ
1. КОГДА Я НАКОНЕЦ СТАНУ ДОСТАТОЧНО ХОРОШИМ
2. ЕЩЁ ОДНА ПОБЕДА, И Я УСПОКОЮСЬ
3. ТЫ ЖИВЁШЬ В ЧЕРНОВИКЕ
4. КТО СКАЗАЛ, ЧТО ТЕБЯ НЕДОСТАТОЧНО?
5. ЦЕНА, КОТОРУЮ ТЫ НЕ СЧИТАЕШЬ
Часть II. БЕСКОНЕЧНЫЙ РЕМОНТ СЕБЯ
6. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ВСЁ ВРЕМЯ НУЖНО ИСПРАВЛЯТЬ
7. ДАЖЕ ОТДЫХ ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНО
8. ТЫ НЕ ОБЯЗАН ПРЕВРАЩАТЬ КАЖДУЮ БОЛЬ В УРОК
9. КОГДА ДИСЦИПЛИНА СТАНОВИТСЯ НАКАЗАНИЕМ
10. ТЫ МОЖЕШЬ ИЗМЕНИТЬСЯ И ВСЁ РАВНО БЫТЬ НЕСЧАСТНЫМ
Часть III. АМБИЦИИ БЕЗ ВОЙНЫ С СОБОЙ
11. ТЕБЕ МОЖНО ХОТЕТЬ МИЛЛИАРД
12. ТЫ НЕ СТАНОВИШЬСЯ ДОРОЖЕ, КОГДА ПОБЕЖДАЕШЬ

13. ПРОИГРЫВАТЬ, НЕ ПРЕВРАЩАЯСЬ В НЕУДАЧНИКА
14. КОГДА ТЫ ПЕРЕСТАЁШЬ СЕБЯ ПОДГОНЯТЬ
15. ТВОЯ ЖИЗНЬ НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ВЫДАЮЩЕЙСЯ
Часть IV. ЖИЗНЬ, КОТОРУЮ НЕ НУЖНО ЗАСЛУЖИВАТЬ
16. ТЕБЕ НЕ НУЖНО ЖДАТЬ РАЗРЕШЕНИЯ
17. ТЫ МОЖЕШЬ БЫТЬ НЕГОТОВЫМ И ВСЁ-ТАКИ НАЧАТЬ
18. ЛЮДИ, КОТОРЫХ ТЫ ОТКЛАДЫВАЛ НА ПОТОМ
19. ЕСЛИ ТЫ НИЧЕГО НЕ ДОКАЖЕШЬ
20. ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ УЖЕ БЫЛА ТВОЕЙ
НАУЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

ПРОЛОГ

Человек, который всё время собирался жить

В тот вечер он вернулся домой раньше обычного.

Было около семи. На кухне пахло ужином, из детской доносились голоса. Жена подняла глаза от плиты и удивилась:

— Ты сегодня рано.

— Да. Решил немного отдохнуть.

Он снял пиджак, положил телефон на стол и сел. Впервые за долгое время вечер оказался свободным. Завтрашние встречи были назначены, срочных вопросов не осталось, компания могла несколько часов обойтись без него.

Жена рассказывала что-то о школе, о младшем сыне, о том, что в субботу обещают хорошую погоду. Он кивал. За окном темнело. В комнате было тепло, и ничто не требовало от него немедленного решения.

И всё же ему было неуютно.

Он привык узнавать хороший день по тому, сколько успел сделать. Успешный день оставлял после себя цифры, договорённости, закрытые вопросы. Сегодня он закончил работу раньше и вдруг не понимал, чем подтвердить, что поступил

правильно.

Через несколько минут он взял телефон. Проверил сообщения, затем почту, затем продажи. Ничего не произошло. Он положил телефон экраном вниз, но почти сразу перевернул обратно.

— Ты можешь хотя бы сегодня не работать? — спросила жена.

— Я не работаю. Просто проверяю.

Она не стала спорить. Вернулась к ужину.

А он вдруг услышал собственные слова так, словно произнёс их кто-то другой. «Просто проверяю». Сколько раз он уже говорил это за столом, в машине, в отпуске, перед сном? Он мог перечислить десятки причин, почему проверка необходима. И некоторые были разумными. Но сейчас он не ждал важного звонка и не пытался предотвратить беду. Он просто не знал, как находиться дома, когда от него ничего не требуется.

Он посмотрел на жену. На столе стояли тарелки, которые она достала ещё до его прихода. Из детской доносился смех. Всё, ради чего он, по собственным словам, столько работал, находилось рядом. Но ему казалось, что он должен сначала закончить что-то ещё.

* * *

Когда ему было двадцать пять, он мечтал зарабатывать сто тысяч рублей в месяц. Тогда эта сумма представлялась границей между беспокойством и свободой. Он воображал, как

перестанет считать деньги перед каждой покупкой, сможет помочь родителям, поехать с любимой женщиной к морю.

Он достиг этой цели. Не сразу и не легко. Первое время радовался каждому поступлению на счёт. Потом начал замечать, сколько стоит собственная квартира. Следом появилась машина, затем расходы на детей, сотрудники, аренда офиса, новые обязательства. Сто тысяч перестали быть пределом мечтаний и превратились в сумму, которую нужно было превзойти.

Позднее он заработал миллион в месяц. Снял квартиру побольше, а потом купил свою. Дети пошли в хорошую школу. Он оплатил родителям лечение, на которое прежде пришлось бы собирать деньги. Его успех не был выдумкой. Деньги решили настоящие проблемы и дали семье возможности, которых раньше не было.

Но странное чувство, знакомое ему ещё с юности, никуда не исчезло.

Он не называл его недовольством собой. Это звучало бы слишком жалко для человека, который руководил компанией и принимал решения, от которых зависели другие. Он предпочитал слово «амбиции».

Амбиции помогали ему вставать рано, договариваться, рисковать, возвращаться к сложным задачам после неудач. Он ценил в себе это качество. И не без оснований.

Однако иногда, особенно в минуты тишины, за стремлением к следующей цели обнаруживалось нечто другое. Ему

казалось, что он ещё не вполне состоялся. Что окружающие видят успех, а он сам знает, насколько далеко до настоящего успеха. Что сегодняшняя победа хороша, но завтра её уже будет недостаточно.

Он не помнил, когда решил, что однажды всё изменится. Когда-то ему казалось: заработаю достаточно, и тогда смогу спокойно жить. Потом это обещание незаметно переместилось на следующую сумму, следующую компанию, следующий масштаб.

Всё, чего он добивался, становилось частью его жизни. Но право наслаждаться этой жизнью почему-то оставалось в будущем.

* * *

Однажды сын спросил его:

— Пап, а когда ты уже закончишь работать?

— Никогда, — улыбнулся он. — Взрослые всегда работают.

— Нет, я не про это.

Мальчик немного подумал, подбирая слова.

— Когда ты всё сделаешь и тебе больше ничего не надо будет?

Он собирался объяснить, что дела не заканчиваются. Что у компании есть сотрудники, у семьи расходы, у каждого нового проекта свои трудности. Что без движения вперёд можно потерять уже достигнутое.

Но сын не спрашивал, когда закроется компания. Он

спрашивал о чём-то, на что отец не мог ответить.

Когда ему будет достаточно?

Он умел составлять планы на пять лет. Мог оценить инвестиции и просчитать несколько вариантов развития бизнеса. Но в его планах не существовало дня, когда он собирался признать сделанное достаточным хотя бы для одного спокойного вечера.

— Не знаю, — сказал он наконец.

Сын пожал плечами. Для него это был обычный ответ взрослого, который не знает, когда освободится. Через минуту мальчик убежал в комнату. А отец ещё долго помнил этот разговор.

Не потому, что ребёнок открыл ему истину. Дети задают множество вопросов, и далеко не каждый содержит мудрость. Но этот вопрос попал в место, которое он привык обходить. Он мог рассказать, ради чего работает. Не мог объяснить, почему достигнутого никогда не хватает для разрешения отдохнуть.

* * *

Возможно, у тебя нет бизнеса. Ты не стремишься к миллионам и не считаешь себя особенно амбициозным человеком. Но ожидание подходящего момента может принимать куда более скромные формы.

Женщина годами откладывает поход на танцы. Она хочет танцевать, ей нравится музыка, но сначала, как она говорит, нужно привести себя в форму. Иногда это разумный план:

определённые нагрузки действительно требуют подготовки. Только годы идут, а требование к себе становится всё строже. Сначала нужно сбросить пять килограммов, потом научиться не стесняться, потом купить подходящую одежду. Танцы остаются в списке желаний, который она всё аккуратнее составляет.

Другой человек мечтает написать книгу. Он читает о литературном мастерстве, делает заметки, разбирает чужие тексты. Его знания растут, но рукопись не появляется. Каждая новая книга о писательстве убеждает его, что он пока недостаточно подготовлен. Возможно, ему действительно есть чему учиться. Но однажды стоит спросить, помогает ли подготовка начать писать или позволяет ещё немного не сталкиваться с собственной первой страницей.

Кто-то откладывает отдых до завершения всех дел. Кто-то не решается знакомиться, пока не станет увереннее. Кто-то обещает себе чаще бывать с родителями после повышения. Эти истории различаются, и причины у людей могут быть совсем разными. Не всякая отсрочка является ошибкой. Иногда подождать необходимо.

Но у некоторых отсрочек есть общая особенность: условие постоянно меняется. Человек выполняет одно требование и обнаруживает следующее. Он приближается к цели, а право на обычную радость остаётся где-то за ней.

Так может пройти не только трудный год. Так может пройти жизнь.

* * *

Я не собираюсь убеждать тебя, что стремиться к лучшему бессмысленно. Развитие навыков, забота о здоровье, увеличение дохода, работа над отношениями способны существенно изменить человеческую жизнь. Не все ограничения существуют только в голове. Если не хватает денег на жильё, разговор о внутренней свободе не оплатит аренду. Если ты причиняешь близким боль, одного принятия себя недостаточно, чтобы исправить последствия.

Мне интересна другая граница.

Есть разница между желанием стать лучше в определённом деле и ощущением, что ты сам ещё недостаточно хорош, чтобы иметь право жить полноценно.

Можно тренироваться, потому что хочется быть сильнее, и можно тренироваться, потому что собственное тело вызывает ненависть. Можно строить компанию из интереса к делу и можно делать это в надежде однажды перестать чувствовать себя никем. Можно учиться, потому что мир огромен и любопытен, а можно из страха, что кто-то обнаружит твоё незнание.

Внешне эти действия порой неразличимы. И даже внутри одного человека мотивы редко бывают чистыми. Ты можешь любить своё дело и бояться провала. Можешь стремиться к деньгам ради свободы и одновременно стыдиться того, сколько зарабатываешь сейчас.

Поэтому я не предлагаю делить амбиции на хорошие и

плохие. Вопрос тоньше: что происходит с человеком, когда очередное достижение становится условием его права уважать себя?

Если ты хочешь научиться плавать, полезно понимать, чего пока не умеешь. Если намерен открыть ресторан, придётся признать пробелы в знаниях. Но из того, что тебе не хватает конкретного навыка, не следует, что тебе не хватает человеческой ценности.

И всё же эти два суждения легко смешиваются. «Я пока не умею» превращается в «со мной что-то не так». «Я ещё не достиг» становится «я ещё не состоялся». В какой-то момент ты уже не просто планируешь будущее. Ты словно заключаешь с собой договор: сначала стань достойным, потом получишь право на хорошую жизнь.

Только кто будет решать, когда договор выполнен?

* * *

Можно возразить: если перестать требовать от себя большего, не исчезнет ли стремление действовать? Разве не внутреннее недовольство заставляет людей учиться, работать и менять обстоятельства?

Иногда именно оно. Неприятное чувство может подтолкнуть к необходимому решению. Но из этого ещё не следует, что человеку полезно всю жизнь поддерживать в себе ощущение недостаточности. Есть другие причины трудиться: интерес, любовь, ответственность, желание создавать, удовольствие от мастерства, забота о будущем.

Я не знаю, какая из них окажется главной для тебя. И не хочу заранее обещать, что жизнь без постоянного внутреннего давления станет легче. Возможно, придётся пересмотреть привычный способ мотивировать себя. Возможно, обнаружится, что некоторые цели действительно важны, а другие давно существуют лишь потому, что от них страшно отказаться.

Эта книга не станет инструкцией по отказу от усилий. Твои поступки по-прежнему имеют последствия. Ошибки иногда нужно исправлять. Обещания нужно выполнять или честно пересматривать. Другие люди не перестают нуждаться в тебе только потому, что ты устал от требований к себе.

Но ответственность не обязательно начинается с презрения к себе. И развитие не обязано быть наказанием за то, каким ты являешься сегодня.

* * *

В тот вечер мужчина снова посмотрел на телефон. Экран лежал на столе рядом с остывающим чаем. Он уже собирался открыть почту, когда из детской раздалось:

— Пап, пойдём играть?

Он посмотрел на часы. Полчаса ещё ничего не решали. Завтра утром всё равно придётся вернуться к задачам, которые сегодня не закончились. Возможно, некоторые из них окажутся сложнее, чем он ожидал.

— Пойдём, — ответил он.

Они достали коробку с настольной игрой. Сын долго объ-

яснял правила, сердился, когда отец путал карточки, и смеялся, когда сам забывал, чей ход. В какой-то момент жена заглянула в комнату и спросила, будут ли они ужинать. Они попросили ещё пять минут.

Потом поужинали. Дети легли спать. Телефон всё это время оставался на кухне.

Ничего выдающегося не случилось. Мужчина не пересмотрел жизнь за один вечер. Он не избавился от привычки беспокоиться о работе и не решил, что отныне будет всегда возвращаться домой к семи. Утром его ждали те же обязательства.

Но эти полчаса не были подготовкой к чему-то более важному. Их не нужно было превращать в урок, достижение или инвестицию в отношения с сыном. Они уже были частью жизни, которую он хотел построить.

Возможно, спустя годы мальчик и не вспомнит эту игру. Возможно, вспомнит. Отец этого не узнает заранее. Но в тот вечер ему не понадобилось закончить все дела, чтобы сесть рядом с ребёнком.

И это было настоящим, даже если завтра он снова забудет об этом.

* * *

Я хочу начать книгу с вопроса, на который не могу ответить за тебя.

Какие условия ты поставил перед собственной жизнью?

Не перед следующей целью, не перед новым проектом, не

перед желанием стать сильнее или богаче. Перед возможностью признать, что сегодняшний день тоже имеет ценность.

Возможно, ты никогда не называл себя недостойным. Возможно, уверен в себе, умеешь добиваться результатов и любишь то, чем занимаешься. И всё же время от времени замечаешь, что разрешение отдохнуть, порадоваться или почувствовать себя состоявшимся неизменно находится по ту сторону очередного достижения.

Я не прошу тебя отказаться от этой цели. Мне хочется исследовать, почему вместе с ней ты мог отложить нечто, что не обязано ждать её выполнения.

Человек способен многому научиться. Способен стать искуснее, свободнее, богаче, внимательнее к другим. Но должен ли он сначала совершить все эти изменения, чтобы сегодняшний день перестал казаться черновиком?

И если ответ неочевиден, возможно, нам стоит начать с самого привычного обещания, которое человек даёт себе год за годом:

«Вот стану достаточно хорошим, тогда и заживу».

Часть I. ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ НАЧНЁТСЯ ПОТОМ
ГЛАВА 1

КОГДА Я НАКОНЕЦ СТАНУ ДОСТАТОЧНО ХОРОШИМ

В приглашении нужно было выбрать горячее и сообщить, придёт ли он один. Глеб выбрал рыбу, поставил отметку в нужном кружке и закрыл страницу, не отправив ответ. До свадьбы оставалось две недели. Он рассчитывал, что к тому времени вопрос о нём самом будет как-нибудь решён.

Никита женился во второй раз и просил обойтись без конвертов. Они с будущей женой сняли маленький зал, позвали сорок человек и хотели знать точное число гостей. Ничего, кроме согласия, от Глеба не требовалось. Именно согласие он откладывал уже девять дней.

Он не боялся свадьбы. Боялся момента, когда кто-нибудь, положив локоть на скатерть, спросит: «Ты сейчас где?» Вопрос был обычный, почти доброжелательный. Ответить на него Глеб мог двумя словами: «Пока ищу». Но в собственном слухе после этих слов он уменьшался, как будто на сту-

ле оставалась только часть человека, а остальное следовало оставить в гардеробе до лучших времён.

Три месяца назад закрылось направление, которым он руководил. Компания предложила перейти на другую должность с меньшими деньгами, Глеб отказался. Тогда отказ казался деловым решением. Теперь, пересчитывая остаток на счёте, он возвращался к тому разговору с точностью, которой не обладал в момент самого разговора: здесь стоило промолчать, здесь попросить неделю, здесь не изображать человека, у которого достаточно предложений.

Он искал работу всерьёз. Переписывал резюме под вакансии, узнавал знакомых рекрутеров по голосам, учился говорить о закрытом направлении без раздражения. Два собеседования прошли хорошо. После третьего ему сообщили, что выбрали другого кандидата. На этой неделе ожидался ответ из компании, куда он действительно хотел попасть.

Поэтому молчание насчёт свадьбы имело разумную форму. Сначала дождаться ответа, потом спокойно подтвердить участие. При положительном ответе у него будет не только работа. Появится возможность прийти.

Ты можешь узнать эту последовательность по другим обстоятельствам. Сначала привести в порядок тело, деньги, речь, квартиру, своё положение среди людей. Потом знакомиться, встречаться, показывать сделанное, принимать приглашения. В каждом пункте обнаруживается действительная задача. Деньги нужны, учиться полезно, состояние тела вли-

яет на повседневность. Трудность прячется между пунктами, там, где «станет легче» превращается в «до этого мне нельзя».

За неделю до этого сестра предложила одолжить ему денег на дорогу к родителям. Он отказался: до родителей было сорок минут на электричке, дело было не в дороге. Но сестра продолжала перечислять возможные расходы, а Глеб соглашался, чтобы не обсуждать другую причину. Каждый такой разговор снабжал его ещё одним приличным объяснением.

Впоследствии ему стало трудно отделить объяснения от препятствий. Он и вправду начал верить, что сначала нужно поправить финансовые дела, хотя поездка стоила меньше обеда, который он заказал, переделывая резюме. Расход на резюме относился к возвращению в нормальную жизнь и потому почти не нуждался в защите. Расход на присутствие среди близких следовало оправдать. Одни и те же деньги вели себя по-разному в зависимости от того, на кого их собирались потратить: на будущего работника или на нынешнего сына.

Глеб не говорил себе, что безработным запрещено ходить на свадьбы. Он вообще не любил таких преувеличений. Просто ему хотелось сначала прийти в себя. Потом появиться среди людей в нормальном виде. Оба выражения звучали настолько естественно, что ему не приходило в голову спросить, куда именно он исчез и почему поиск работы лишил его нормального вида.

При этом он продолжал покупать продукты, отвечать матери, спорить с мастером из-за протекающего крана. Он не перестал существовать. Но часть жизни оказалась доступной только тому человеку, которого он собирался вскоре предъявить вместо себя.

В среду состоялось ещё одно собеседование. Руководительница открыла его тестовое задание и спросила, почему расчёт загрузки не учитывает сезонность. Глеб начал объяснять, увидел её лицо и остановился. Сезонность он действительно не учёл. Они разобрали таблицу, нашли две зависимые ошибки. Разговор получился неприятным и полезным. На выходе Глеб понимал, что в этой области ему не хватает опыта.

Требование было справедливым. Если человек отвечает за расчёт, от качества расчёта зависят чужие деньги и работа. Слова о принятии себя не исправляют формулу. Глебу предстояло разобраться, переделать задание, проверить допущения. Его недовольство собой имело точный адрес и могло превратиться в действие.

Вечером Никита написал: «Ты потерял ссылку?»

«Нет. Я ещё не знаю, как у меня получится».

«В следующую субботу в шесть. Что ты пока не знаешь?»

Глеб положил телефон экраном вниз. Он не хотел объяснять другу очевидное. В его положении приличнее было бы сначала заняться жизнью, а уже потом разгуливать по праздникам. День на свадьбе ничего не менял в поиске работы,

но сама лёгкость согласия казалась ему подозрительной. Как будто он решил, что с ним уже всё в порядке, хотя с ним явно не всё было в порядке.

Здесь к одному и тому же человеку были предъявлены два требования. В первом случае: научись учитывать сезонность. Во втором: добейся такого положения, при котором твоё появление среди друзей перестанет требовать оправданий. Первое условие можно проверить по расчёту. Второе распространяется гораздо дальше той ошибки, с которой началось недовольство.

Ты вправе быть не готов к работе, не подходить для должности, не уметь того, за что собираешься брать деньги. Эти границы защищают и тебя, и других людей. Но у требования есть область действия. Отказ на собеседовании не содержит решения о твоём праве сидеть за общим столом. Мы можем сами дописать такое решение и потом исполнять его с большей строгостью, чем любое распоряжение работодателя.

Слово «достаточно» тоже имеет область действия. Достаточно опыта, чтобы вести определённый проект. Достаточно денег, чтобы оплатить поездку. Достаточно времени, чтобы успеть на церемонию. Когда область исчезает, остаётся неясная оценка всего человека. Ему предлагают сначала стать достаточно хорошим, не сообщая, для какого именно дела и по каким признакам можно будет прекратить проверку.

В пятницу Глеб встретился с Никитой возле ресторана. Тому требовалось довезти две коробки вина, а своей маши-

ны у него не было. Глеб помог погрузить коробки в багажник, и они поехали через вечерний город. Никита говорил про рассадку, про аллергию у племянницы, про спор с невестой: приглашать ли человека, который когда-то их познакомил, но с тех пор успел поссориться почти со всеми.

Глеб слушал и испытывал облегчение. Пока он вёз коробки, его присутствие имело понятную пользу. С ним не происходило ничего сомнительного. Сомнительным было бы остаться на ужин просто так.

У ресторана они вытащили вино на мокрый тротуар. Никита разогнул спину и сказал:

— Ты всё-таки ответь. Лене нужно заказывать еду.

— Я пока без работы. Не хочется появляться в таком виде.

Друг посмотрел на его куртку, прежде чем понял, о каком виде идёт речь.

— А, это. Ну, найдёшь. Ты же не всю жизнь собираешься дома сидеть.

Глеб кивнул. Именно такого ответа он и ожидал. Добрый человек отнёс его положение к неприятностям, которые вскоре пройдут. Осталось переждать.

Никита потянулся за коробкой, но потом поставил её обратно.

— Подожди. Я сейчас глупость сказал. Не про работу я спрашивал. Ты будешь на свадьбе?

— Зачем тебе гость с кислым лицом?

— Потому что ты мой друг. А кислое лицо можешь не

брать. Или бери. Только скажи до понедельника.

Это не было мудрой речью, и Глеб не почувствовал, как с него падает тяжесть. Ему даже стало досадно. Никита мог так говорить, потому что у него самого сейчас всё складывалось. Легко приглашать человека вместе с его кислым лицом, когда тебе не приходится его носить.

Но в этой досаде оставалась помеха. Друг не обещал, что Глеб найдёт работу, не восхищался его скрытым потенциалом, не уверял, будто должности вообще ничего не значат. Он хотел знать, приедет ли конкретный человек на его свадьбу. Глеб отвечал на другой вопрос.

Он предложил ещё помочь с доставкой. Никита сказал, что больше ничего не нужно, и позвонил в ресторан, чтобы им открыли боковую дверь. Служебная роль закончилась. Вместе с ней закончился удобный способ не замечать, чего именно Глеб избегает.

Чужое мнение не исчезнет после того, как ты поймёшь свою зависимость от него. На свадьбе действительно могут спросить о работе. Кто-то будет бестактен, кто-то похвастается, кто-то начнёт советовать, не выслушав ответа. Общий стол не превращается в безопасное место от того, что друг тебя любит.

Различие лежит в другом месте. Можно не идти, потому что не хочешь проводить вечер с определёнными людьми. Можно отказаться из-за денег, усталости, конфликта, болезни. Такой отказ относится к обстоятельствам встречи. Глеб

же считал достаточным основанием сам факт, что сейчас он не способен предъявить удачную версию себя. Пока ситуация не исправлена, любое неприятное сравнение представлялось ему заслуженным.

С этим основанием трудно спорить, потому что оно прячется внутри вполне разумного желания. Найти работу действительно важно. Вернуть финансовую устойчивость действительно нужно. И вот уже кажется, что вопрос о свадьбе будет решён вместе с вопросом о трудоустройстве, хотя между ними нет такого договора.

Проверь не то, достаточно ли у тебя уверенности. Проверь содержание условия. Чего конкретно ты ждёшь, прежде чем позволить себе желаемое? Что будущая перемена сделает возможным: оплатит билет, освободит время, даст необходимое умение? Или она должна изменить положение того, кто предъявляет билет, садится за стол, просит о встрече?

На эти вопросы нельзя ответить одним признанием любви к себе. Иногда условия полностью вещественны. Если у человека нет денег на дорогу, билет не возникнет от правильной мысли. Бывает и смешанный случай: дорога доступна, но подарок не такой, какой хотелось бы вручить; есть страх неудобного разговора, есть реальная усталость, есть стыд. Тогда требуется различить несколько причин, а не объявить все препятствия выдуманными.

Глеб мог приехать. Ресторан был в его городе, денег с гостей не собирали. У него было что надеть. Но он хотел прий-

ти человеком, к которому ни один из возможных вопросов не будет иметь доступа. Такого человека работа ему не обещала. Он сам приписал ей эту дополнительную услугу.

Есть ещё одна причина, по которой такая связка держится крепко. Согласиться на приглашение для Глеба значило как будто публично объявить: моё положение меня устраивает. Он не хотел делать этого объявления. Отказ служил доказательством, что он понимает серьёзность ситуации и не простил себе её слишком рано. Даже там, где другие ничего не проверяли, требовалось предъявить следы собственного недовольства.

Но выбор действия не равен общему одобрению обстоятельств. Человек может прийти на свадьбу и остаться недовольным своим положением. Может расстроиться из-за отказа, продолжить поиск и всё-таки говорить с другом о чём-нибудь ещё. У участия нет подписи мелким шрифтом: «Настоящим подтверждаю, что всё во мне и вокруг меня хорошо». Эту подпись Глеб мысленно добавлял сам.

В этом месте твой отказ от простого занятия может оказаться не способом исправить проблему, а способом засвидетельствовать, что ты продолжаешь её осуждать. Цена такого свидетельства платится даже в те часы, когда исправить ничего нельзя.

В субботу он сел переделывать тестовое задание. За окном грузчики заносили кому-то диван; в соседней квартире сверлили стену. Глеб открыл таблицу и впервые за несколь-

ко дней занимался только расчётом. Теперь он видел, какие данные нужно запросить. Несколько клеток оставил пустыми и написал пояснение: без этих чисел вывод будет ненадёжным.

Раньше ему хотелось сдать безупречную работу, чтобы заодно исчезла неприятная ясность его положения. Сейчас работа оставалась просто важной. От неё зависел возможный контракт. Ему всё ещё очень хотелось его получить.

Перед отправкой он заметил, что собирается снова отложить ответ Никите до понедельника. К этому времени руководительница, наверное, посмотрит расчёт. Получится удобная последовательность: положительный ответ, затем подтверждение участия. Ничего нового выдумывать не требовалось.

Он открыл приглашение. Отметка возле рыбы сохранилась. Выбор был сделан при первом открытии страницы и почему-то ждал совсем другого решения, не имеющего отношения к ужину.

Глеб отправил ответ, после чего ещё несколько минут сидел за столом. Облегчения, на которое он рассчитывал, не получилось. Он представил вопрос о работе, собственную паузу, чужую заминку. Всё это по-прежнему могло произойти. Отличалось лишь то, что теперь неприятный разговор не был заранее признан достаточной причиной для исчезновения.

Через неделю, на свадьбе, он оказался за столом с дву-

мя незнакомыми парами. Про работу спросили почти сразу. Глеб ответил: «Сейчас ищу», и женщина справа начала рассказывать о брате, который искал восемь месяцев. Он услышал в этой истории всё, чего боялся: жалость, предупреждение, снисходительность. Потом женщина достала телефон, чтобы показать контакт знакомого, и выяснилось, что она просто пыталась помочь. Помощь ему не подошла. Разговор всё равно был неловким.

После первого тоста к нему подсел знакомый Никиты, которого Глеб помнил по прежней работе. Они никогда не дружили, но несколько раз вместе обедали. Знакомый спросил, правда ли направление закрыли целиком, и Глеб начал объяснять, что сокращение затронуло далеко не всех, что лично ему предлагали остаться, что решение об уходе было его собственным. Объяснение занимало всё больше места, а на лице слушателя росла осторожность.

Глеб остановился посреди фразы. Ему не хотелось превращать свадебный стол в собеседование с человеком, у которого не было вакансии. Однако оборвать рассказ было почти так же неприятно, как продолжать: недосказанное могло показаться признанием, что прикрыть положение нечем.

— В общем, ищу. Пока без результата, — сказал он.

— Понял, — ответил знакомый. — У нас тоже сейчас никого не берут.

Не последовало ни поддержки, ни предложения контактов. Они помолчали, пока официант расставлял тарелки. По-

том знакомый спросил, как Глеб познакомился с Никитой. Об этом можно было рассказать без справки о нынешнем состоянии дел. Через несколько минут выяснилось, что они поразному помнят одну и ту же поездку: знакомый считал её весёлой, Глеб помнил, как Никита пытался починить сломанный замок багажника под дождём. Они поспорили, в каком году это было.

Глеб не стал интереснее от того, что перестал оправдываться. Знакомый не раскрыл его подлинную ценность. Просто разговор получил другую тему, которой он едва не оставил без места.

Никита подошёл к их столу позже, когда уже вынесли горячее. Он поблагодарил Глеба за коробки, пожаловался, что ведущий перепутал имя Лены, и тут же ушёл к тётке, которой подали блюдо с орехами. У жениха не нашлось времени, чтобы подтвердить правильность Глебова решения или разглядеть его внутреннюю работу. На собственной свадьбе Никита был занят своей жизнью.

И это оказалось кстати. Иначе даже этот вечер можно было бы сдать как ещё одно удачно выполненное задание: справился со стыдом, пришёл, получил одобрение. Вместо этого пришлось быть гостем, которому порой скучно, порой хорошо, который слышит не всё, что хочет услышать, и не находится в центре происходящего.

В понедельник компания попросила Глеба выполнить ещё одно задание. Контракта пока не было. Он разозлился, на-

писал знакомому, что отбор похож на бесплатную работу, потом решил уточнить объём. Вся прежняя деловая жизнь продолжалась со своей трудностью, торгом и неопределённостью. Свадьба не придала ему новых профессиональных достоинств.

Она и не должна была этого делать. Странным было другое: для одного вечера понадобилось разъединить вопросы, которые он считал одним вопросом. Насколько хорошо я сейчас справляюсь? Могу ли я появиться перед людьми? На первый ещё предстояло отвечать делом. Второй он привык оставлять на потом, до удовлетворительного ответа на первый.

Ты можешь годами сохранять такую связку и называть её требовательностью. Дело всякий раз будет настоящим, результат желанным, недовольство понятным. Но вместе с конкретным навыком тебе придётся улучшать того, кому пока нельзя пользоваться ничем, не требующим этого навыка.

И когда очередное условие наконец будет выполнено, потребуется внимательно посмотреть, что именно произошло. Решилась задача, ради которой ты трудился, или тебе на короткое время показалось, что теперь решён и вопрос о тебе самом?

ГЛАВА 2

ЕЩЁ ОДНА ПОБЕДА, И Я УСПОКОЮСЬ

Евгения узнала о премии за шесть минут до того, как принесли суп. Она дважды прочла письмо, посмотрела на мужа, который пытался поймать официанта, и протянула ему телефон через стол. Муж поднялся, обошёл стол и обнял её так крепко, что она засмеялась, уткнувшись ему в плечо. Официант остановился рядом с двумя тарелками. Пришлось объяснять, почему они стоят посреди прохода.

Радость была настоящей. Евгения переводила книгу почти два года, больше половины работы сделала без договора. Потом долго искала издателя, защищала непонятные места, восстанавливала абзац, который редактор хотел выкинуть ради темпа. Теперь люди, читавшие много хороших переводов, выбрали её работу. Письмо не могло сделать этот труд лучше задним числом, но подтверждало, что он дошёл до читателей и был различён.

Они заказали вино. Муж сфотографировал её, и на фотографии она получилась неожиданно красивой: открытый рот, смазанная от движения рука, ни малейшей попытки вы-

держать правильное лицо. Евгения переслала снимок матери. Потом прочла письмо ещё раз.

Несколько месяцев она говорила: «Если получу, успокоюсь». Знакомые понимали, что имеется в виду. Перестанет ждать решения, следить за объявлениями, проверять почту по выходным. Эта часть обещания исполнилась немедленно. В конкурсе больше не было неизвестности. Успокаиваться было от чего.

Но в обещании хранилась другая часть, которую Евгения никому не объясняла. После премии она сможет наконец работать без мучительной сверки: достаточно ли она серьёзный переводчик, не преувеличила ли свои способности, не занимает ли чужое место. Её перестанет смущать необходимость называть свою профессию. Чужая сдержанная похвала больше не будет звучать как тщательно замаскированное разочарование.

Суп остыл, пока они отвечали на поздравления. Издатель уже успел разместить новость. Кто-то написал: «Давно пора». Евгения прочла это с благодарностью. Другой человек: «Сильный год, много достойных книг». Она задержалась на этой фразе, хотя в ней не было ничего обидного.

— Не открывай сейчас комментарии, — сказал муж.

— Я не открываю. Мне присылают.

Он кивнул и начал есть. Через минуту Евгения снова взяла телефон. Ей хотелось узнать, заметила ли новость Варвара.

Варвара тоже переводила и была знакома с двумя членами жюри. Они дружили неровно: могли час спорить о строчке, потом полгода обмениваться только рабочими письмами. Евгения уважала её больше, чем некоторых людей, от которых уже пришли восторженные сообщения. Поэтому отсутствие одного ответа весило больше, чем десяток имеющихся.

Ты можешь помнить такое несоответствие. То, чего ты добивался, произошло; само событие не испортилось, а внутри уже открыта новая проверка. Не всякий неприятный остаток означает неблагодарность. Возможно, результат выполняет свою настоящую работу, а ты ждёшь от него ещё одной, для которой он не предназначен.

У премии были ясные последствия. Новую книгу стало проще предложить издательству. В переписке появился вес, которого раньше не хватало. Денежная часть позволяла отказаться от нескольких срочных заказов. На какое-то время Евгения могла переводить то, что выбрала сама. Успех расширял её свободу вполне осязаемо.

За перевод отмеченной книги Евгения когда-то взялась именно из-за её неудобства. Автор заставлял читателя удерживать сразу несколько голосов; люди в длинных предложениях могли менять предмет разговора, не предупреждая друг друга. Два года она училась слышать, где человек уклоняется от ответа, а где действительно потерял мысль. От удачно найденной интонации ей становилось хорошо раньше, чем кто-нибудь получал возможность оценить находку.

Вечерами она зачитывала мужу по абзацу, заставляла терпеть два варианта, потом выбирала третий. Он смеялся, что лучше всех в доме знает книгу, которой не читал.

Премия не придумала эту часть работы. Она сделала её видимой для других и оплатила то, что долго оставалось частным риском. Здесь не было обмана, который требовалось бы разоблачить словами о погоне за внешним одобрением. Евгения вправе была хотеть, чтобы её заметили. Трудность возникала там, где замеченный перевод должен был избавить её от опасности быть однажды не замеченной.

Было и ещё одно последствие. Теперь на обложке следующего перевода напишут «лауреат», а значит, человек откроет книгу с ожиданием. Первая же неудачная фраза станет не просто неудачной фразой, а фразой лауреата. Евгения представила, как кто-нибудь подчёркивает её красным. От этого представления ни деньги, ни признание не перестали быть хорошими. Просто окончательной защиты не получилось.

Результат изменил её положение и одновременно создал новые обстоятельства, в которых предстояло работать. Это обычная трудность взрослого дела. Она становится ловушкой, когда от результата ждут прекращения самой возможности оказаться недостаточно хорошим.

Муж предложил пройтись до дома. Евгения согласилась, но возле гардероба увидела сообщение от Варвары и остановилась, держа пальто на весу.

«Поздравляю! Очень рада за тебя. Скажи, они объявили

уже весь список? У нас автор спрашивает, а я ничего не нахожу».

Евгения ответила, что списка у неё нет. Потом добавила ссылку. Хотелось спросить, читала ли Варвара перевод. Спрашивать сейчас было неловко: выглядело бы так, будто поздравление нуждается в подробном обосновании.

— Ты готова? — спросил муж.

— Секунду.

Следующее сообщение пришло сразу: «Увидела. Спасибо. Завтра позвоню».

На улице он взял её под руку. Был мокрый снег, в свете фонарей прохожие выглядели окружёнными лёгким шумом. Евгения рассказывала, кому уже позвонила, кого ещё нужно предупредить. Муж слушал. Потом сказал:

— Давай сегодня ничего больше не нужно.

— Я просто отвечаю людям.

— Я не про сообщения.

Она раздражённо высвободила руку, чтобы надеть перчатку. Он не стал пояснять. У него не было права лучше неё знать, как следует радоваться, и она не хотела получать ещё один образец правильного поведения. Вечер и так начал походить на событие, которое можно провести недостаточно хорошо.

Домой они пришли порознь: муж задержался купить хлеб. Евгения включила компьютер, чтобы отправить издателю фотографию без ресторанных тарелок. На экране оставался

открытым новый перевод. Три дня назад она остановилась на длинном описании лестницы. Сейчас фраза показалась ей подозрительно гладкой. Она сравнила её с оригиналом и нашла неточность, которую прежде пропустила.

Открытие было профессиональным. Ошибку следовало исправить. Но вслед за ним возникло другое движение: если здесь такая неточность, что тогда во всей книге? Не наградили ли её за работу, которой она на самом деле не умеет заниматься? Евгения уже протянула руку к предыдущему файлу, когда услышала ключ в замке.

Муж положил хлеб на кухонный стол и заглянул в комнату.

— Ты сейчас работаешь?

— Нашла ошибку.

— И хорошо.

Он пошёл ставить чайник. Евгения смотрела на исправленную строку. Действительно, хорошо. Теперь там было точнее. Однако её беспокоила не строка, а возможность того, что ошибка имеет право что-то решить о ней целиком. Эта возможность пережила премию без единой царапины.

Когда ты поручаешь победе окончательно тебя оправдать, у победы появляется невыполнимое условие. Она должна распространяться на ещё не сделанные работы, на неизвестные обстоятельства, на мнения людей, которые пока тебя не встречали. Ей требуется подтвердить, что будущая ошибка не сможет изменить решение. Такую гарантию нельзя вклю-

чить ни в один честный профессиональный отзыв.

Можно прекрасно перевести одну книгу и не справиться с другой. Можно выиграть конкурс и растеряться в следующем проекте. Компетентность имеет содержание, её приходится применять в разных условиях. В этом нет скрытого унижения, пока каждый новый результат не становится голосованием по вопросу, стоило ли вообще допускать тебя к жизни.

Тебе может хотеться возразить: если победа ничего окончательно не решает, зачем тогда к ней стремиться? Но здесь слово «окончательно» поглотило всё остальное. Евгения получила деньги, читателей, возможность выбирать следующий текст. Её труд был отмечен. Стало больше оснований доверять некоторым своим решениям. Разве всё это превращается в пустоту лишь потому, что завтра ей снова понадобится думать?

Можно поставить себе очень большую конечную задачу: перевести трудную книгу, построить предприятие, пройти конкурс с тысячами участников. Большой размер не делает её бесконечной. У задачи остаются критерии завершения. А маленькое дело способно оказаться бесконечным, если им нужно доказать, что больше ни одно чужое решение не застанет тебя беззащитным. Дело закончится, но возможность отказа сохранится. Тогда захочется повторить испытание, будто в прошлый раз не хватило силы доказательства.

Повторение имеет смысл, когда ты хочешь ещё одну кни-

гу, следующий проект, новую высоту в своём деле. Но тому, кто ищет окончательного освобождения от проверки, приходится каждый раз возвращаться туда, откуда он собирался уйти навсегда. Следующая победа снова будет событием, которое можно оценить по-разному. Не размер достижения создал этот круг. Его создало поручение отменить все будущие оценки одним нынешним результатом.

Есть удовольствие от сделанного. Есть облегчение после ожидания. Есть желание никогда больше не сомневаться в себе. Они могут переживаться почти одновременно и называться одним словом «успех». Когда третье не наступает, легко перечеркнуть первые два. Тогда и возникает странная жалоба: я столько трудился, получил желаемое и ничего не почувствовал. Иногда человек почувствовал многое. Просто не то, чему он назначил решающее значение.

Это различие не требует благодарить судьбу по расписанию. После изматывающей работы можно почувствовать усталость, после публичной победы — страх внимания, после долгой борьбы — пустоту. У переживания нет обязательной формы. Но полезно понять, за отсутствие чего именно ты считаешь результат неудачным: за отсутствие радости сегодня или за отсутствие вечной уверенности в завтрашнем себе.

Наутро Варвара позвонила сама. Поздравила, спросила, как всё произошло, послушала рассказ про официанта. Потом сказала, что их заявку на перевод большой книги опять

отклонили. Издатель объяснил: слишком рискованно. Варвара не могла скрыть злости и даже не пыталась. Евгения подумала, что вот оно, непризнание, которого она вчера ждала, и тут же услышала:

— Ты теперь попробуй свою предложить. Пока они смотрят в твою сторону.

Совет был деловым и неприятно точным. Внимание могли отдать другому. Возможностью стоило воспользоваться. Евгения почувствовала знакомый позыв бросить всё, составить предложение, доказать, что награда попала по адресу.

— Ты читала мой перевод? — спросила она вместо этого.

— Да. Я же тебе писала про третью главу.

— Я помню.

— Там очень хорошо. А в начале ты, по-моему, всё-таки зря разровняла синтаксис.

Евгения помолчала. В другой день можно было бы спорить о синтаксисе. Сейчас ей хотелось получить несколько минут без «а». Варвара не собиралась их давать. Не из жестокости: они всегда так разговаривали о текстах. Только сегодня Евгения пыталась потребовать от обычной точности особого освобождения.

— Я сейчас не хочу это обсуждать, — сказала она.

— Ладно. Потом.

Они поговорили ещё немного и попрощались. Отказ обсуждать не превратил замечание в неправду. Не превратил он и всю книгу в ошибку. Это были два действительных

предложения о работе, между которыми оставалось место для множества других предложений. Превратить их в единый окончательный приговор можно было лишь ценой потери самой работы: её подробностей, удач, промахов, конкретной трудности.

Евгения записала предложение новой книги в календарь на четверг. Пришлось отдельно уточнить срок: издатель написал, что хотел бы получить предложение уже утром. Евгения сказала, что подготовит его к четвергу. Он ответил суховато: «Смотрите сами, окно возможностей короткое». Она прочла письмо несколько раз и всё же оставила четверг. На завтра у неё была назначена оплаченная работа, отменять которую из-за новых возможностей было бы нечестно по отношению к другому заказчику. У премии появились конкретные преимущества, и распоряжаться ими предстояло в той же жизни, где уже существовали другие люди и обещания.

Отделять свои мотивы друг от друга она ещё не научилась. Ей по-прежнему хотелось воспользоваться вниманием. Хотелось следующего перевода, денег за него, похвалы Варвары без поправок. Невозможно было мгновенно очистить это желание до безупречности.

Муж прислал ей вчерашнюю фотографию в хорошем качестве. Евгения открыла её на большом экране, собираясь выбрать фрагмент для издательского сайта. Снимок был совершенно неподходящим: чужая рука возле её лица, краешек меню, двигающийся официант. Она рассматривала его

дольше, чем следовало для выбора фотографии. Здесь было видно, что произошло до того, как она успела решить, достаточно ли правильно всё переживает.

Для сайта Евгения нашла другой портрет. На письма ответила. Потом открыла новый перевод и ещё раз прочла описание лестницы. Исправление оставалось верным, но теперь ей не нравилось следующее предложение. Она вернула в него одно повторённое слово, которое раньше убрала. Долго слушала, как оно работает в соседстве с первым. Об этой крошечной удаче не знал ни один человек, поздравивший её вчера, и она всё равно была удачей.

Вскоре позвонил редактор, чтобы согласовать встречу. Он поздравил и тут же спросил, не будет ли Евгения против ещё раз посмотреть начало отмеченной книги перед допечаткой. После замечания Варвары она напряглась.

— Там нашли ошибки?

— Корректор собрал вопросы. Есть спорные места. Я пришлю.

Евгения попросила сначала дать ей прочесть вопросы: решить, где следует возразить, где согласиться. Премия не избавила её от этой работы. Но и вопросы корректора не отнимали того, что уже произошло с книгой. Обе новости относились к одному переводу и не обязаны были уничтожить друг друга.

Настоящий диплом должны были вручить через месяц. Евгения знала, где его поставит: на полке рядом со словаря-

ми. Он будет означать, что именно эта работа была замечена именно этими людьми в этом году. Ей хотелось, чтобы значение оказалось шире. Часть её всё ещё надеялась получить обещание на всю оставшуюся жизнь.

Она закрыла письмо редактора и отправила ресторанную фотографию в печать. Попросила сохранить весь кадр, вместе с чужой рукой и краешком меню. На стену её вешать не собиралась; просто хотела иметь этот снимок. Мужу она написала, что сегодня приготовит ужин сама, если он купит хлеб. Потом добавила: «И суп, кажется, всё-таки был хороший». Он ответил: «Тебе виднее. Мой был холодный».

Евгения засмеялась. Затем вернулась к фразе про лестницу. Радость продолжалась, тревога тоже. От радости теперь не требовалось прекратить всё остальное.

ГЛАВА 3

ТЫ ЖИВЁШЬ В ЧЕРНОВИКЕ

К марту Софья перестала знать, когда у них заканчивается молоко. Она покупала его по дороге с работы, ставила за пакетом такое же, купленное вчера, и наутро обнаруживала, что сын опять ел сухие хлопья. Открывать новый пакет ему было лень, а она не замечала старого, потому что думала об экзамене. Из шести месяцев до предполагаемого отъезда прошли уже четыре.

Слово «предполагаемого» она использовала только в переписке с посредником. Дома говорила: «Когда переедем». Так было легче выдерживать устройство нынешней жизни: работу до семи, занятия языком по вечерам, подработку в воскресенье. У Софьи была предварительная договорённость с работодателем в другом городе за границей и ещё не было необходимого языкового сертификата. На новом месте платили больше, работу предлагали по специальности. Переезд не был красивой фантазией, которой удобно прикрыть недовольство. За ним стоял вполне определённый расчёт.

Сыну было четырнадцать. Софья считала, что несколько месяцев можно потерпеть. Он тоже так считал, когда они начинали готовиться. В декабре ему нравилось придумывать,

где он поставит велосипед, в январе он спрашивал про новую школу. Теперь на вопросы о переезде отвечал одним словом, и Софья объясняла себе это возрастом.

Утром она просила его не оставлять посуду, вечером говорила, что сегодня не может проверять уроки, ночью извинялась за резкость. Извинение тоже было временным: ещё немного, потом всё будет иначе. Весь их разговор как будто состоял из скобок, внутри которых разрешалось быть невнимательными, сердитыми и занятыми, потому что основной текст ещё не начался.

Ты можешь жить в таком режиме по уважительной причине. Закончить учёбу, выплатить тяжёлый долг, дождаться лечения, найти работу, выбраться из тесноты. Было бы жестоко объяснять любую отсрочку недостаточной любовью к жизни. Некоторые обстоятельства действительно сужают день до нескольких необходимых действий. В таком дне человеку нужна помощь, а не требование немедленно наполнить его впечатлениями.

Но у временного режима есть особенность, которую трудно заметить изнутри. Его легче терпеть, считая перерывом. При этом он продолжает делать с нами всё то, что делает жизнь: меняет отношения, учит отвечать определённым образом, даёт или отнимает опыт. У него нет отдельного счётчика, который остановится, пока мы заняты подготовкой.

Софья увидела это в четверг, когда сын спросил, можно ли ему поехать с командой на соревнования в мае.

— Мы же уезжаем, — сказала она.

— Мы ещё ничего не знаем.

— Знаем. Я сдаю экзамен, потом документы.

— Это ты сдаёшь экзамен. А я спрашиваю про май.

Софья открыла календарь. Поездка попадала в неделю, когда, по её расчётам, они должны были уже собираться. За участие требовалось внести задаток сейчас. Сумма была неприятной, но посильной. Раздражало другое: сын как будто всерьёз вкладывался в жизнь, которую они собирались вскоре оставить.

— Зачем тебе начинать то, что ты не закончишь?

— Я начал это три года назад.

Она хотела объяснить, что имеет в виду не спортивную секцию вообще, а новый этап, последнюю поездку, лишние расходы. Однако он уже ушёл к себе. Не хлопнул дверью, а плотно закрыл её, и Софья вернулась к языковому заданию. В наушниках человек со спокойным голосом рассказывал, как проехать от вокзала к музею. Она трижды пропустила название нужной остановки.

У них действительно не было двух одинаковых календарей. Для неё март был отрезком подготовки к майскому отъезду. Для сына он был концом сезона, начатого осенью. Его отношения с командой не стали предварительными оттого, что у матери появилась предварительная договорённость. Она могла отказать в поездке. Но объяснение «это пока не настоящая жизнь» он не обязан был принимать вместе с от-

казом.

Вечером Софья посмотрела условия возврата задатка. Половину обещали вернуть до определённой даты, потом не возвращали ничего. Она переслала условия сыну и написала: «Если уедем раньше, ты не поедешь. Нужно понять, готовы ли мы потерять эту сумму». Он вышел на кухню, и они впервые обсудили поездку как задачу, а не как ошибку в отношении к будущему.

Денег на всё не хватало. Пришлось отказаться от новых кроссовок, которые Софья собиралась купить себе вместо протёртых. Ей это не понравилось. Сын заметил и сказал, что может внести часть из подаренных денег. Она согласилась. Ни один из них не получил всего, чего хотел, и ни один не согласился, что происходящее пока не считается.

После этого экзамен никуда не исчез. Софья занималась так же много, порой была такой же резкой. Изменить название режима оказалось легче, чем сам режим. Она не могла просто освободить каждый вечер, потому что возможность переезда имела срок. Было бы странно лишиться её ради доказательства, что настоящее важнее будущего.

И всё же от одного исправления многое зависело. Раньше любой сегодняшний запрос оценивался по тому, помогает ли он уехать. То, что не помогало, выглядело помехой или поблажкой. Теперь обнаруживалось: у запроса может быть своё основание. Основание не даёт ему автоматического преимущества, но требует рассмотреть его по существу. Соревнова-

ние не улучшало Софьин язык. Оно относилось к другому человеку и к другому делу.

Подготовка становится похожа на черновик не тогда, когда занимает много сил. Серьёзная работа вправе занимать много сил. Черновиком она становится тогда, когда всё происходящее получает меньший вес лишь потому, что происходит до назначенного начала. Ошибку в черновике можно оставить: потом перепишем. Неудачную неделю можно не рассматривать: потом устроим нормальные недели. Отчуждение между людьми можно счесть побочным эффектом: потом вернёмся друг к другу.

Но человек не переписывается тем же способом, что документ. Ты приходишь в новые условия с тем, что уже делал много раз. С приобретённым навыком, с накопленной усталостью, с обещаниями, которые другие научились понимать определённым образом. Если ты полгода говоришь «потом поговорим», наступление нужной даты ещё не создаёт разговора. У другого человека уже могло измениться желание рассказывать.

Это не наказание за неправильную жизнь. Это свойство самой ситуации: отношения продолжаются, пока ты занимаешься чем-то ещё. Они могут выдержать трудный период, а могут потребовать отдельного усилия. Называть период подготовкой недостаточно, чтобы узнать, что именно с ними произошло.

Софья сдала экзамен со второго раза. Первый результат

оказался на два балла ниже нужного. Вечером она сидела на кровати в пальто, потому что не могла заставить себя раздеться. Сын заглянул, спросил, что случилось. Она сказала: «Ничего. Не сдала». Ей хотелось, чтобы он ушёл, и одновременно хотелось, чтобы остался, не требуя объяснять, как она могла столько заниматься и не справиться.

Он ушёл, потом вернулся с чашкой воды. Поставил её на подоконник и спросил, когда можно пересдать. Софья ответила. Он прикинул что-то в уме и сказал, что соревнования теперь, кажется, не мешают.

Она резко подняла голову. В первое мгновение ей показалось, что сын радуется её провалу. Но он уже понял по лицу, что сказал не вовремя, и начал оправдываться. Софья остановила его. У него были свои майские дела. Они не перестали иметь значение из-за двух недостающих баллов, хотя ей трудно было видеть это именно сейчас.

Подготовительный срок удлинился на месяц. Это был не первый перенос в их жизни: до переезда они ждали, пока закроется другой проект, ещё раньше собирались изменить рабочий график. Софья хорошо помнила причины каждого ожидания и плохо помнила, чем отличались друг от друга месяцы. Казалось, они прошли одной полосой без права задержать на чём-нибудь внимание.

На следующий день она пересмотрела календарь занятий. Нельзя было сократить подготовку настолько, чтобы заведомо не успеть. Можно было перестать оставлять вечером два

часа на задания, которые занимали один: второй час обычно уходил на сердитое перечитывание ошибок и попытку заставить себя почувствовать уверенность. Софья назначила себе время окончания работы. Несколько раз его нарушила. Один раз легла вовремя и всё равно не заснула.

В первый свободный вечер сын стоял у плиты и ел прямо из сковородки. Софья попросила переложить еду в тарелку. Он ответил, что всё равно потом помоет, и не переложил. Она повторила громче. Через три минуты они спорили уже о том, кто в доме чем занят и кому труднее. Софья едва не отменила собственное решение насчёт свободного часа: для такой семейной жизни не стоило откладывать учебник.

Потом сын вымыл сковородку и начал собираться к приятелю. Она спросила, не хочет ли он лучше куда-нибудь сходить с ней. Он посмотрел с недоумением: они же только что поссорились, а с приятелем он договорился ещё вчера. Софья услышала собственную обиду и почти произнесла: «Я же ради тебя время освободила». Вместо этого спросила, во сколько он вернётся.

Оставшись одна, она долго не могла выбрать занятие. Не читала, не звонила подруге, даже телевизор не включила. Пошла в магазин, купила молоко и там же вспомнила, что утром решила его больше не покупать, пока не допьют старое. Возле кассы стояла с пакетом в руке, не зная, что с ним делать. Слишком многое в этот вечер не складывалось в смысл, который можно было бы предъявить за потраченный

час.

Свободное время ещё предстояло научиться проживать. Оно не было готовой наградой, ожидавшей за дверью. И всё же его существование что-то меняло: день получал часть, которую не нужно было оценивать исключительно как вклад в отъезд. Софья могла потратить её не особенно удачно. Это было досадно, но не превращало вечер обратно в пустую клетку до начала настоящего.

Софья была готова упрекнуть себя ещё и за то, как провела свободный вечер. Ей хотелось другого разговора с сыном, но у него уже были планы.

Проверить можно более скромную вещь. Какие решения ты уже принимаешь сегодня, называя их отсутствием решений? Откладываешь встречу, не отвечаешь на важный вопрос, не обсуждаешь неудобство, не замечаешь того, что хотелось бы сохранить. У каждого действия может быть уважительная причина. Но причина не отменяет действия и его последствий. Пропущенный разговор не становится несуществующим из-за того, что ты собирался поговорить лучше.

В подготовке есть смысл, пока она ведёт к чему-то определённому. Экзамен имеет дату, навык можно применить, документы позволяют совершить следующий шаг. Когда вся подготовка требует прежде всего внутреннего ощущения «теперь я готов к жизни», у неё пропадает проверяемый конец. Ты способен научиться многому и всё равно относиться к каждому обычному дню как к непредъявляемой версии

себя.

В мае сын уехал с командой. Софья не смогла проводить его: в это время начинался пробный экзамен. Он написал из автобуса, что забыл зарядку. Она рассердилась, потом узнала, что у товарища есть подходящая. Вечером сын прислал короткое видео с разминки. На заднем плане кто-то неприлично крикнул в камеру. Софья пересмотрела запись дважды, пытаясь рассмотреть лицо сына, хотя ничего особенного он не делал.

Позже позвонил тренер. Он хотел проверить, правильно ли вписал Софьину фамилию в согласие на следующую поездку. Софья поправила одну букву и услышала на заднем плане спор мальчиков о том, кто первым идёт в душ. Сын выхватил телефон, пожаловался на еду, попросил перевести небольшую сумму. Она напомнила про уже выданные деньги. Он сказал: «Да, ладно», и вернул телефон. Разговор был совсем не похож на те редкие тёплые беседы, ради которых, казалось, стоило отрывать время от важного дела.

И всё-таки никто не мог провести его потом вместо них. После переезда будут другие вопросы, другое раздражение, другие просьбы. Нельзя было накопить качество материнского внимания, чтобы одной большой будущей порцией заменить каждое сегодняшнее участие. Софье предстояло выбирать, где присутствовать, где отказать, с чем смириться. Но это уже были выборы внутри дня, а не полное списание дня в подготовительные расходы.

Видео с разминки не было места в плане переезда. Оно ничего не прибавляло к его вероятности и не сокращало путь. Но Софья вдруг поняла, что если всё получится, будет вспоминать этот май вместе со всеми остальными месяцами. Он не окажется предварительным месяцем с серым номером, который можно пропустить, рассказывая о себе.

Заявку на документы она подала в июне. Работодатель предложил начинать позже, чем рассчитывали. К этому времени понадобилось договориться с нынешним начальником, что делать с отпуском, и решить, в какой школе сын начнёт следующий учебный год. Предстоящий отъезд оставался желанным и по-прежнему не помещался в чистую линию календаря.

Софья больше не обещала, что после него всё станет другим. Она говорила конкретнее: там будет другая работа; денег должно хватать свободнее; с языком ещё будет тяжело. Сын спрашивал, можно ли будет продолжить тренировки. На этот вопрос пока не было ответа. Она записала его рядом с вопросом о жилье, а не в примечании к собственным планам.

Иногда начинать настоящее приходится без нового начала. Не отменять то, к чему ты готовишься, а признать предметом решения то, что уже происходит по дороге. Работа над будущим тогда остаётся работой. Ей больше не принадлежит право объявлять всё остальное пробной жизнью, за которую никто не отвечает.

ГЛАВА 4

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ТЕБЯ НЕДОСТАТОЧНО?

В итоговом отзыве о Жанне было написано: «Недостаточно амбициозна». Остальные замечания помещались в таблицу: сроки, качество расчётов, взаимодействие с подрядчиками. Эта фраза стояла отдельно и потому казалась итогом всего остального. Жанна перечитала её, потом вернулась к началу отзыва, где качество её работы оценивали высоко. Вместе два текста не складывались.

Она участвовала в программе подготовки руководителей. До этого управляла небольшой группой инженеров и продолжала сама разбирать сложные технические задачи. Новая должность означала несколько отделов, бюджет, переговоры с заказчиками. Денег предлагали заметно больше. Ещё появлялась возможность менять решения, на которые теперь приходилось жаловаться в узком кругу.

Жанна хотела всего этого. Поэтому замечание задело не только самолюбие. Ей сообщили, что она не дотягивает до дела, которое сама выбрала. Она могла бы попросить объяснить, чего именно не хватает, но сначала попыталась пред-

ставить, как выглядит достаточно амбициозный человек.

Получился Семён. Он охотно выступал на совещаниях, брался за проекты вне своей группы, без заминки называл следующий карьерный шаг. Жанна тоже выступала, когда считала, что есть что сказать, но редко назначала себе право говорить первой. Она догадалась, что именно это подразумевалось в отзыве, и почувствовала усталость заранее. Предстояло улучшить ещё одну часть себя, причём непонятно, какую именно.

Вечером она пересказала отзыв матери. Та сказала, что Жанна и так слишком занята. В разговоре с приятельницей обнаружилось противоположное: Жанна давно засиделась на одном месте и разучилась хотеть большого. Оба человека желали ей добра. После двух разговоров она чувствовала себя одновременно холодной карьеристкой и человеком, который боится выйти из удобства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.